

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

ЗАВЕЩАНИЕ АВВАКУМА

ОХОТА НА ЦАРЯ

МЕЖДУ АМУРОМ И НЕВОЙ

(в следующих изданиях — «„Демон“ преступного мира» и «Роковые числа»)

ХРОНИКИ СЫСКА

(сборник из семи рассказов, 1876—1881)

ВЫСТРЕЛ НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ

ПУЛЯ С КАВКАЗА

ДЕЛО ВАРНАВИНСКОГО МАНЬЯКА

ВАРШАВСКИЕ ТАЙНЫ

МЁРТВЫЙ ОСТРОВ

УБИЙСТВО ЦЕРЕМОНИЙМЕЙСТЕРА

МОСКОВСКИЙ АПОКАЛИПСИС

ТУРКЕСТАН

УДАР В СЕРДЦЕ

ТЕМНЫЕ ВСАДНИКИ

ДОЗНАНИЕ В РИГЕ

КАСЬЯНОВ ГОД

ЛУЧИ СМЕРТИ

ТИФЛИС 1904

БАНДА КОЛЬКИ-КУНА

ПО ОСТЫВШИМ СЛЕДАМ

ФАРТОВЫЙ ГОРОД

УЗЕЛ

СЛУЧАЙ В СЕМИПАЛАТИНСКЕ

Н И К О Л А Й
СВЕЧИН

Банда
Кальки-
куна

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Художественное оформление *Петра Петрова*

Свечин, Николай.
С24 Банда Кольки-куна / Николай Свечин. — Москва :
Эксмо, 2019. — 416 с. — (Детектив Российской
империи).

ISBN 978-5-04-224567-1

1905 год, Русско-японская война подходит к концу, а в России назревает революция. Японская разведка подготовила из пленных поляков своих агентов и вернула их на родину вместе с другими военнопленными. Об этом стало известно Департаменту полиции. Лыкову вместе с жандармами поручено выявить и арестовать шпионов. В ходе дознания он узнает о группе бывших солдат, объединившихся для борьбы с царизмом. Их вождем является рядовой Николай Куницын, получивший в плену кличку Колька-кун. Харизматичная личность, бесстрашный, много повидавший, он изобрел собственную модель государства, где править станут крестьяне. Идея увлекает многих, и поймать такого человека трудно — люди помогают ему скрываться от полиции. Лыков начинает поиски и быстро выясняет, что бывшие пленные ему симпатичны и он не хочет сажать их в тюрьму...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-224567-1

© Свечин Н., текст, 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

• ГЛАВА 1 •
ВЕСТОЧКА С ВОСТОКА

Лыков ходил по тихой, опустевшей квартире на Моховой. Ходил бесцельно: мебель была уже вывезена и большей частью продана, вещи раздали кому попало. С тех пор как сыщик овдовел, жить в прежних хоромах ему стало невмоготу. Варенька умерла, дети разъехались... Исчезли горничные, сделались офицерами лихие юнкера, друзья сыновей. Жизнь ушла из огромной, прежде шумной и веселой квартиры. Коллежский советник, немного обвыкнув, начал искать жилье попроще. Обвык — это так лишь говорится. Как можно привыкнуть к тому, что ты теперь один? Да, Шурочка в Париже нянчит его, Лыкова, внучку. И два подпоручика служат в Первом Туркестанском стрелковом батальоне. Письмами, стервецы, папашу не балуют. А будто сам он в их годы много думал о родителях? Чего теперь обижаться. Им жить, а ему стареть...

Неделю назад сыщик нашел себе небольшую четырехкомнатную квартиру в новом доме на Стремянной

улице. Одна комната предназначалась для кухарки Нины Никитичны. Пожилая аккуратная женщина нянчила еще близнецов, когда те под стол пешком ходили. Сейчас она осталась при Лыкове вести его немудреное хозяйство. Сыновья вступили наконец-то во владение заповедным имением в Костромской губернии. Но прежние порядки сохранили. Титус все так же хозяйствовал, советуясь с собственниками по важным вопросам. Доходы шли в равных долях двум подпоручикам и одной парижанке. Еще десять тысяч в год получал Алексей Николаевич — сыновья настояли. Одиному человеку, да при полковничьем жалованье, этого хватало за глаза. Овдовев, сыщик еще больше погрузился в вопросы службы. Других интересов уже и не осталось. А служба становилась все труднее, все опаснее. На календаре был май 1905-го. В стране творилось черт знает что...

Лыков сложил в портфель фотографии и письма, те, что еще не перевезли на Стремянную, и собрался уходить. Скоро сюда въедут новые жильцы; прощай, Моховая... Вдруг в дверь позвонили. Не иначе, швейцар принес почту. Нина Никитична жила уже по новому адресу, и Лыков пошел открывать сам.

К его удивлению, в дверях стоял молодой артиллерийский капитан, совершенно сыщику незнакомый. Капитан был строен и красив особой восточной красотой. Лыков прошлым летом изъездил вдоль и поперек весь

Кавказ и сразу понял, что перед ним бакинский татарин¹. Зачем ему понадобился питерец? Наверное, какое-то эхо неприятной истории с тифлисским казначейством. Сыщик разорил его в ту командировку, накрыв с поличным шайку мошенников. В аферах участвовали высшие чины кавказской администрации, тифлисские бандиты и горские абреки². Лыков едва выжил в мясорубке, в которую неожиданно вылилось его дознание. И не хотел теперь вспоминать страшных минут.

Капитан и сыщик какое-то время разглядывали друг друга, потом артиллерист спросил:

— Простите, я не ошибся? Мне нужен Алексей Николаевич Лыков.

— Да, это я. — Питерец посторонился, впуская гостя. — С кем имею честь? Вы не из Тифлиса?

Татарин засмеялся:

— Нет, я из японского плена. Одиннадцатого мая, два дня назад, сошел с парохода в Одессе. И прямо к вам.

Лишь тут Лыков заметил, что капитан прячет за спиной палку. И сапоги на нем особенные: один форменный, а второй синего сукна, ортопедический.

— Из японского плена? Ах, видимо, вас отпустили по ранению? — сообразил Алексей Николаевич.

¹ Бакинский татарин — азербайджанец. (Здесь и далее примеч. автора.)

² См. книгу «Тифлис 1904».

— Именно.

— Так вы артурец!¹ Проходите, присаживайтесь. Это большая честь для меня — принимать вас. Мебель вывезли, но вон там осталась пара стульев.

Артиллерист снял потертую шинель, аккуратно поместил на вешалке. Рядом пристроил шашку с анненским темляком. Потом, заметно прихрамывая, прошел в зал и сел. Вытянул раненую ногу, потер ее машинально, но перехватил взгляд хозяина и тут же отдернул руку:

— А, уже почти зажило.

Лыков вспомнил, что писали на днях газеты. В Одессу приплыл пароход «Инкула». На нем вернулось на родину около трехсот офицеров и солдат из плененного гарнизона Порт-Артура. Нижние чины все были после ранения, и японцы отпустили их домой будто бы из человеколюбия. На самом деле, конечно, не хотели кормить и лечить, но люди все равно радовались, оказавшись дома. Офицеры же, в отличие от солдат, должны были дать слово, что не примут участия в продолжающейся войне. И те из них, кто счел возможным так поступить, тоже прибыли на «Инкуле». Тем более что государь особой телеграммой разрешил это.

Алексей Николаевич наконец внимательно рассмотрел незнакомца, проникаясь к нему уважением. Артур-

¹ *Артурец* — участник обороны Порт-Артура.

цы дрались храбро, многие из них погибли. Выжившие попали в плен по решению коменданта крепости генерала Стесселя, тут не было их вины. И бесчестия тоже не было. На шее капитана красовалась Анна второй степени с мечами, а на кителе — Владимир четвертой степени с мечами и бантом. Боевой офицер, и пролил кровь... Колено вон до сих пор не гнется...

— Так вы с «Инкулы»! Дали слово, и вас отпустили?

— А вот и нет! — рассмеялся офицер, показав испорченные скорбутом¹ зубы. — Слова никакого им не давал. Вот еще! Я хочу вернуть должок этим самонадеянным японцам.

Но перехватил взгляд хозяина, виновато ойкнул и закрыл рот рукой:

— Пугаю всех своим видом, извините. Там плохо было насчет довольствия. Все болели цингой, даже офицеры. Японский доктор прописал мне лимоны-апельсины. Два месяца плыл на пароходе, кушал-кушал эти лимоны... А до сих пор не прошло.

— Как же тогда вас отпустили, если вы слова не давали?

— Ранение помогло, — пояснил капитан. — Нога была в таком состоянии... Ихние врачи смотрели-смотрели,

¹ *Скорбут* — цинга, которой особенно страдали участники обороны Порт-Артура.

да и руками развели. Сказали, раньше чем через полгода ходить не смогу, не то что воевать. А микадо велел к этому времени уже закончить кампанию. Ну и сми... как это?

— Смиловивились?

— Вот! — опять засмеялся артиллерист. — Извините, немножко нехорошо говорю по-русски.

— Зато хорошо воюете, судя по наградам, — улыбнулся в ответ Лыков. Незнакомец нравился ему все больше. — Так, значит, опять в Маньчжурию? Ведь если обязательства вы никаких не дали, то и препятствий к этому нет?

— Препятствие — вот оно. — Капитан похлопал себя палкой по суконному сапогу. — Еще не зажило, собака. Генерал-инспектор артиллерии может не отпустить. Оставит долечиваться — а там и война тью-тью. Сейчас я должен сначала представиться государю. Попрошу его разрешить на фронт через голову великого князя¹. Вдруг получится? Как считаете, Алексей Николаевич? Государь соблаговолил наградить меня Георгиевским крестом. Имею я право на просьбу вернуться в Маньчжурскую армию?

— Так вы к тому же и георгиевский кавалер?

¹ Великий князь Сергей Михайлович — генерал-инспектор артиллерии.